

**РЕЛИГИЯ В СИСТЕМЕ МОРАЛЬНО-
ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ
И СОЦИАЛЬНО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ
СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА
(ОКТАБРЬ 1917-ГО – КОНЕЦ 1920-Х ГГ.)**

В течение 1920–1930-х гг. в советской стране воинствующее безбожие постепенно становилось неотъемлемым элементом официальной идеологической доктрины, навязывалось в качестве обязательной установки во всех областях духовной жизни. Аргументы атеизма концентрировались на обличении вульгарно-сервилистских функций религии и Церкви и неумолимо тяготели к богоборчеству и попоедству, упуская метафизическую и экзистенциальную стороны явления, не принимая во внимание его культурно-исторический и личностно-психологический аспекты. Власти были убеждены, что радикальное преобразование общественно-экономических отношений способно сразу и полностью разрешить все проблемы социального, индивидуального и духовного существования людей, создать почву для исчезновения религиозных предрассудков. И, наоборот, борьба с религией способна помочь скорейшему поступательному развитию общества.

Отношение к религии как к явлению, чуждому социализму, его идеологии, политике, образу жизни и нравственности, естественным порядком вело к перерастанию мировоззренческого противостояния в русло политической конфронтации, порождая желание решать идеологические проблемы репрессивными методами, волевыми усилиями помогая быстрейшему исчезновению остатков религиозности.

Положение верующих особенно усугубилось с конца 1920-х гг., когда атеизм был помещен в рамки теории «обострения классовой борьбы». Стремление власти решать возникающие проблемы преимущественно запретительными и репрессивными мерами проявлялось тем сильнее, чем ре-

альнее становилась угроза, что культура «побежденных» окажется сильнее культуры победителей. Борьба с влиянием религиозной идеологии провозглашалась составной частью коммунистического воспитания. Общеисторический процесс секуляризации в условиях «государственного атеизма» приобрел характер искусственного и насильственного создания «безрелигиозного пространства». Из системы антирелигиозной работы практически исчезли последние научно-просветительские элементы, доводы цивилизованного атеизма, и это привело к окончательному превращению официального безбожия в специфически охранительную идеологию. Марксистская мысль о том, что атеизм в конце концов станет привычной нормой мышления человека эпохи коммунизма, была заменена другой: атеизм должен бороться с религией как классово чуждым явлением, лишенным общечеловеческого содержания. В этих условиях все нюансы государственной вероисповедной политики, все различия в отношении к Церкви, духовенству рядовыми верующими оказались полностью утраченными. Антирелигиозный террор в одинаковой степени затронул все без исключения конфессии, уравнивал все исповедания в их бесправии, создав новый «социум общей судьбы» (Н. Верт).

Как известно, большевики мечтали полностью преобразовать не только политические и экономические устои общества, но и переделать самого индивидуума, отрегулировать в соответствии с коммунистическими постулатами его сознание, сформировать новые нормы поведения, выработать идеологический стереотип «настоящего советского человека». Советская мифологизированная культура предполагала и конструировала своего идеального носителя. Стереотип требовал набора определенных характеристик, соответствовавших (в каждый конкретный момент) официальной позиции партийного руководства.

Впрочем человеческие настроения, взгляды и убеждения никогда не имели абсолютно одномерной направленности. К примеру, человек, придерживавшийся социалистической ориентации, одновременно мог быть верующим. Настроения и убеждения в свою очередь не всегда были адекватны

общественному поведению, главной составляющей которого при жестко авторитарном режиме являлось стремление выжить в любых обстоятельствах. Апатия, внешняя покорность, даже показной энтузиазм могли соседствовать с недовольством, враждой к власти. Не будем забывать и о том, что известную часть «советского общества» по-прежнему составляли люди, крайне мало затронутые советской культурой и сохранявшие стиль жизни, ценности, мировоззрение, сформировавшиеся еще до революции.

Дошедшие до наших дней разнообразные нарративные источники (письма, дневники, воспоминания и пр.) помогают нам понять наших предшественников, почувствовать их настроения, проанализировать мысли и убеждения, воссоздать черты духовного облика людей того времени. Это дает возможность точнее передать морально-психологическую атмосферу, полнее представить реальное состояние общественных отношений 1920-х гг.; выявить роль религии и Церкви (в том числе церковной обрядности) в повседневной жизни рядового человека; проследить трансформацию образа священнослужителя в массовом общественном сознании; аккумулировать переживания и ощущения верующих в условиях противостояния вероисповедных и государственных структур и т.д.

Несомненно, кардинальные общественные изменения и целенаправленная правительственная политика привели в первые послереволюционные годы к известному упадку религиозности населения. Закрепление безрелигиозности как нормы сознания определенной части советского общества в общих чертах складывалось из идеологического отрицания Церкви (социально-политический аспект), материалистических представлений (естественнонаучный аспект) и внерелигиозного осмысления вопросов индивидуальной нравственности (морально-этический аспект). Естественно, разрыв с Богом в ряде случаев мог объясняться чисто индивидуальными причинами (проявлением социальной несправедливости либо личной трагедией, скажем, смертью ребенка, которого

«Бог не упас»). Несомненно, широкое распространение получил и так называемый «стихийный атеизм», или «религиозный индифферентизм» (отнюдь не тождественный утверждению воинственно-атеистического мировоззрения), выразившийся в том, что известная часть населения отошла от Церкви и религии, не желая входить в конфликт с новой властью, с господствующим «общественным мнением» («все говорят, что Бога нет и не было»). Что касается граждан, воспитанных уже при новом строе, то для них безбожие представлялось некоей данностью¹.

Однако даже в условиях усиленного насаждения государственного атеизма религиозное мировоззрение продолжало оставаться господствовавшим (в исторически сложившихся или трансформированных формах) среди большей или даже большей части населения страны², вы-

¹ Рукописный отдел Государственного музея истории религии (РО ГМИР), Ф.4. Оп.2. Д.52. Л.27–41; Д.61. Л.11. 15об.; Труд и быт в колхозах. Л., 1931. С.111; *Кобецкий В.Д.* Исследование динамики религиозности населения СССР // Атеизм, религия и современность. Л., 1973. С.129–130; *Донина И.Н.* Власть и народ: модернизация духовных отношений (1920–1930-е гг.) // Личность и власть в истории России XIX–XX вв.: Материалы научной конференции. СПб., 1997. С.75–80 и др.

² Сами партийно-советские и чекистские руководители объясняли «феномен» остаточной религиозности в советской стране, среди прочего:

- бытовой неустроенностью (А.В. Луначарский писал по этому поводу в 1929 г., что «если бы мы могли построить людям счастливый быт, то тем самым мы на 99/100 выжгли бы эту религию»);

- «недостаточностью экономической базы безбожия в деревне», что подразумевало культурную отсталость, зависимость от природы, консерватизм российского крестьянства;

- действиями контрреволюции, в том числе националистической, «мобилизующей все формы религии на почве борьбы с коммунизмом».

Официальная пропаганда рассматривала религиозность в качестве «формы выявления буржуазной идеологии», поэтому во многом связывала сохранение «религиозных пережитков» с последствиями процесса вытеснения неорганизованного товарного производства новыми социалистическими формами хозяйствования, с самоощущениями нетрудящихся слоев населения (которым был закрыт доступ в комсомол, партию, профсоюзы, вузы и т.д.), терявших любые перспективы в условиях наступления социализма по всему фронту. (Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф.142. Оп.1. Д.212. Л.26; Ф.89. Оп.4. Д.115. Л.69; Ф.17. Оп.60. Д.438. Л.9–15; Государствен-

полняя функцию своеобразного жизненного стержня в хозяйственно-бытовой сфере, являясь основой трудовой этики, духовности и нравственности, обязательной составной частью эстетического восприятия действительности. Попытаемся подтвердить сказанное фактами и цифрами.

Прихожане «мало осведомлены... в области веры...», – сообщало по инстанциям в сентябре 1921 г. православное духовенство Омской епархии, – «население хотя и религиозно, но почти исключительно в обрядовом направлении...»¹.

Как известно, В.И. Ленин расценивал участие в религиозных обрядах как активную форму проявления религиозности, как открытую пропаганду религиозных взглядов. Вероятно, не случайно, что одним из первых декретов советской власти было принятие решения (17–18 декабря 1917 г.) о непризнании юридических прав за церковным браком и разводом. Русская Православная Церковь (РПЦ), естественно, с этим согласиться не могла. На основании определения Священного Синода 31 января 1918 г. на места был разослан циркуляр, гласивший, что распоряжение правительства (о передаче в ведение судов гражданских дел о расторжении браков) не имеет отношения к браку церковному, заключаемому по правилам, в Церкви установленным, и подлежащему расторжению по основаниям, принятым в Церкви². Поместный Собор 19 февраля (4 марта) и 25 февраля (10 марта) 1918 г., подтвердив, что церковные браки не могут быть расторгнуты гражданской вла-

ный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф.5263. Оп.1с. Д.7. Л.1–2; Государственный архив Самарской области (ГАСО). Ф.53. Оп.1. Д.1213. Л.1–7; РГАСПИ. Ф.М-1 Оп.3. Д.4. Л.315, 335–339; Агитпропаганда (Харьков). 1922. №2–3. С.133–135; Центральный государственный архив общественных организаций Украины (ЦГАООУ). Ф.1. Оп.20. Д.1454. Л.208–225; *Путинцев Ф.* Сектантство и антирелигиозная пропаганда. 3-е изд. М., 1929. С.6 и др.).

¹ РО ГМИР. Ф.4. Оп.2. Д.91. Л.1–3; Церковная хроника (орган Патриаршего Св. Синода, Москва). 1921. №1. С.2.

² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.796. Оп.445. Д.780. Л.48–49; Ф.797. Оп.97. Д.375. Л.6–6об.; Церковные ведомости. 1918. №15–16 и др.

стью, выразил мнение, что гражданский брак обязательно должен быть освящен церковным венчанием (если к тому нет канонических препятствий). Было со всей решимостью заявлено, что Церковь не признает декрета, направленного на ниспровержение церковных законов. Собор призвал верующих «не вступать на широкий путь греха» во избежание обвинений в многоженстве и прелюбодеянии¹.

9(22) ноября 1918 г. Высшее Церковное управление (ВЦУ) РПЦ приняло решение о направлении в СНК протеста против действий местных властей (Вологодской, Костромской и других губерний), требовавших в категорической форме прекращения бракоразводных дел в епархиальных советах. ВЦУ выражало сомнение, что советская политика в данном вопросе (создание искусственных препятствий на пути реализации желания граждан «по расторжении их брака по церковным канонам вступить в новый брак с благословения же Церкви») совместима с принципами свободы совести².

Священники, отказывавшиеся венчать несовершеннолетних, венчать без оглашения, венчать граждан, расторгших прежний брак через гражданский суд³ (ибо все это противоречило церковным правилам), могли быть обвинены в саботаже и контрреволюции и наказаны по всей строгости революционного (военного) времени⁴.

Обязательное постановление Совета комиссаров коммун Северной области от 2 декабря 1918 г. под страхом предания революционному суду требовало от духовных лиц всех конфессий прекратить совершать обряды «крещения, обре-

¹ РГИА. Ф.796. Оп.445. Д.780. Л.1, 48–49; Церковные ведомости. 1918. №13–14 и др.

² РГИА. Ф.796. Оп.445. Д.780. Л.48–49; Ф.831. Оп.1. Д.21. Л.91–92.

³ В циркуляре по вопросу об отделении церкви от государства от 3 февраля 1919 г. НКЮ предупреждал местные власти о незаконности и неуместности поддержки с их стороны «требований о венчании граждан, расторгавших церковный брак только в гражданском порядке», ибо таковые действия служили бы косвенным признанием юридических прав за церковным браком. (Известия ВЦИК. 1919. 5 февр.)

⁴ Церковные ведомости. 1918. №11–12. С.420; №13–14. С.82; №23–24. С.708–710; Революция и церковь. 1919. №1. С.37; 1920. №9–12. С.61 и др.

зания, бракосочетания, развода, погребения¹» без предварительного получения заинтересованными лицами соответствующего гражданского удостоверения. Всем зарегистрировавшим (после 20 декабря 1917 г.) свой брак, развод, рождение ребенка церковным порядком, предлагалось озаботиться их перерегистрацией в соответствующем гражданском учреждении. В противном случае брачный союз объявлялся юридической силы не имеющим. Родители новорожденных, не зарегистрировавшие своих детей по советским законам, теряли право на получение на них продовольственных карточек².

«Перетягивание каната» в данном вопросе между властями и Церковью продолжалось в течение многих месяцев. И только в мае 1920 г. Патриарх, члены Синода и Высшего Церковного Совета вынуждены были по требованию соответствующих гражданских инстанций дать «окончательную» подписку³ о прекращении церковного производства бракоразводных дел⁴.

Параллельно описанному процессу выдавливания церковной обрядности уже в первые послереволюционные годы в советской России развернулась борьба за новую, «красную обрядность». К примеру, Первый Уральский съезд РКСМ (май 1920 г.) потребовал в своих резолюциях «отменить обряд венчания» и высказался против следования ро-

¹ 7.12.1918 г. последовал декрет о национализации кладбищ. Летом 1919 г. Совет комиссаров Союза коммун Северной области принял решение о передаче всех кладбищ в ведение Комиссариата внутренних дел и запретил любые захоронения без регистрации факта смерти в органах ЗАГСа. (Северная коммуна. 1919. 26 янв.; 26 авг.).

² Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб.). Ф.143. Оп.1. Д.123. Л.68–69.

³ Информация середины 1921 г., приходившая по церковным каналам, свидетельствовала о стремительном возрастании количества просьб о снятии церковного благословения с лиц, разведенных гражданским судом: «просьбы об этом поступают ежедневно и в таком количестве, каковое нужно признать подавляющим». (РО ГМИР. Ф.4. Оп.2. Д.91. Л. 1–3; Церковная хроника. 1921. №1. С.2).

⁴ Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви (1917–1945 гг.). Париж, 1977. С.266.

дательскому примеру при бракосочетании молодежи¹. Подобные решения, особенно на молодежном уровне, были в те годы нередки, и их появление, естественно, не случайно. Партийно-советские органы уже во время гражданской войны предприняли ряд шагов, направленных на преодоление традиционной обрядности². Итогом этих усилий явилось то, что к концу в 1920 г. количество гражданских браков резко возросло (по крайней мере, в городах и фабрично-заводских поселках)³. Если в 1917–1918 г., по сведениям АПО ЦК РКП(б), до 80% всех брачующихся свой брак гражданским порядком не регистрировали, то в 1920 г. гражданский вариант бракосочетания (без параллельного церковного) стал преобладающим⁴.

По прошествии голодных и страшных 1921⁵–1922 гг. власти вернулись к решению задачи реформирования быта, в первую очередь сельских жителей. В постановлении «Об антирелигиозной пропаганде в деревне» (28 сентября 1923 г.) Антирелигиозная комиссия ЦК РКП(б) рекомендовала в борьбе с религиозной обрядностью практиковать «замену религиозных отправлений формами гражданского быта», как то: религиозных праздников – гражданскими производ-

¹ 5 лет Уральской губернской организации РКСМ. Уральск, 1925. С.19.

² В том числе, посредством силового давления на духовенство (опыт начальника отдела ЗАГС Литейной районной управы Петрограда И.А. Шпицберга, 1918 г.). (Революция и церковь. 1919. №6–8. С.62, 80; Ленинградский областной государственный архив в г. Выборге (ЛОГАВ). Ф.Р-2201. Оп.1. Д.3. Л.8).

³ Гражданский брак медленно укоренялся в широких массах. В определенной степени сказывалось то обстоятельство, что обязанность регистрации актов гражданского состояния переходила из одного ведомства в другое, иногда велась несколькими структурными подразделениями параллельно. Это создавало путаницу у населения и порождало негативное отношение к работе отделов, занимавшихся метрикой.

⁴ РГАСПИ. Ф.17. Оп.60. Д.52. Л.54; Революция и церковь. 1919. №3–5. С.34; Беднота. 1919. 29 янв. и 28 марта; Зиман Ф. По ячейкам Можайского уезда. М., 1925. С.75.

⁵ О необходимости добиваться замены церковных обрядов «обстановкой коммунистического быта» заявлялось в тезисах АПО ЦК КП(б)У в декабре 1921 г. (ЦГАООУ. Ф.1. Оп.20. Д.749. Л.99–102; Известия ЦК КП(б)У. 1921. №6. С.24–25).

ственными праздниками¹, церковных таинств – «торжественными отправлениями гражданских актов»¹.

¹ 5 декабря 1919 г. были отменены религиозные праздники, связанные с членами царской фамилии, и введены 6 общеобязательных государственных праздничных дней («Правила о еженедельном отдыхе и праздничных днях»). Кроме того, местным властям было предоставлено право (что фиксировалось в ст.112 Кодекса законов о труде 1922 г.) для населения православного вероисповедания устанавливать дополнительно еще до 10 дней отдыха (необязательных и неоплачиваемых), приуроченных к «красным» дням церковного календаря. (Революция и церковь. 1919. №1. С.28–29; Известия ВЦИК. 1918. 5 дек.; Русская Православная Церковь и коммунистическое государство (1917–1941 гг.): Документы и фотоматериалы / Сост. О.Ю. Васильева. М., 1996. С.261; СУ. 1923. № 70. Ст. 678; №72. Ст. 707). С 30 июля 1923 г. по просьбе обновленческого Поместного собора праздничные дни были перенесены на новый стиль. Однако это привело к тому, что многие работники отмечать праздники сразу по двум календарям. Попытки навести порядок (соответствующие разъяснения НКЮ и Наркомтруда в ноябре 1923 г.), судя по всему, особого эффекта не дали. 6 июня 1925 г. Антирелигиозная комиссия ЦК даже рассматривала вопрос о возможности возврата к старому календарю в целях сокращения прогулов на производстве. (РГАСПИ. Ф.17. Оп.113. Д.353. Л.15–17; ГА РФ. Ф.353. Оп.7. Д.2. Л.1–2, 34, 44). В июне 1923 г. НКВД Крыма выступил с предложением упразднить все религиозные праздники на территории РСФСР. Наркомюст ответил категорическим отказом, в качестве аргумента сославшись на то, что 90 % населения страны – верующие. (ГА РФ. Ф.353. Оп.7. Д.2. Л.1, 2, 50). В свою очередь, руководство Башкирии настаивало (в сентябре – декабре 1924 г. и вторично – в январе – марте 1925 г.) на перенесении дня еженедельного отдыха с воскресенья на среду, полагая, что подобный шаг, «несомненный с точки зрения антирелигиозного эффекта», не затронет национальных чувств ни коренного, ни русского населения. Несмотря на положительную реакцию Ем. Ярославского, Секретариат и Оргбюро ЦК предложение отвергли, как «нарушающее линию партии в религиозном вопросе». (РГАСПИ. Ф.17. Оп.112. Д.619. Л.4; Д.645. Л.3, 188, 193–194). Пленум ЦК КП(б)У (22 июня 1923 г.) и Политбюро ЦК КП(б)У (13 июля 1923 г.) также выразили сомнение в целесообразности переноса дня еженедельного отдыха (не эффективная мера: а еврей? а мусульмане?) и рекомендовали бороться с религиозным бытом посредством организации по воскресным дням гражданских культурных праздников. (РГАСПИ. Ф.89. Оп.4. Д.163. Л.4–8). В 1925 г. ВЦИК и СНК приняли решение о замене праздников Крещения и Благовещения соответственно 2 мая и 8 ноября. (РГАСПИ. Ф.17. Оп.3. Д.740. Л.3). (Постановления Политбюро «об установлении революционных праздников за счет религиозных» (15 мая, 19 июня, 27 июня, 3 июля 1924, 5 ноября 1924 г., 7 января, 27 января, 5 февраля, 12 февраля, 9 апреля 1925 г.). (РГАСПИ. Ф.17. Оп.3. Д.438. Л.5; Д.444. Л.4; Д.445. Л.5; Д.447. Л.5; Д.473. Л.2; Д.484. Л.4; Д.486. Л.4; Д.487. Л.2; Д.488. Л.3; Д.496. Л.7; Петров С.Г. Документы делопроиз-

Отстранив церковь от воспитательного и образовательного процессов, большевики пытались заложить фундамент безрелигиозного идеологизированного быта, базовыми категориями которого были примитивный коллективизм и своего рода патерналистский патриотизм. Учитывая традиционную склонность народа к ритуалистике (визуальный ряд православной литургии), государство изобретало новые обряды, обычаи, праздники.

Внедрение в быт подрастающего поколения «красной» обрядности шло, так сказать, с переменным успехом. Ее формы были убоги и шаблонны на фоне привычных православно-церковных². Стремление же не повторяться, напротив, вело к излишнему изобретательству, к обрядовым выкрутасам³. Скромные результаты светской обрядности во многом объяснялись непониманием сторонниками ее популяризации, что обряд – не веселое времяпровождение, не эпизод содержательного досуга, а опосредствованный внутренними потребностями человека и исторически сложившийся способ передачи опыта векового общежития, метод регуляции и ориентации человеческой психики в наиболее ответственные моменты жизни, средство приобщения к общецелесообразным и устоявшимся ценностям, нормам поведения.

Неверующие люди думают, писал в редакцию «Известий» в 1922 г. некто, называвший себя «Михайловым», что масса народа ходит в Церковь «благодаря суеверным мотивам религии», и все этим удивлены. Между тем следует удивляться тому, что, несмотря на «эти очевидные небылицы, несмотря на всю нелепость многого церковного обихода», массы все-таки идут в Церковь и многие из них с величайшим благоговением. «Очевидно, что тут есть другая сущность, иной

водства Политбюро ЦК РКП(б) как источник по истории Русской церкви (1921–1925 гг.). М., 2004. С.369).

¹ РГАСПИ. Ф.17. Оп.60. Д.438. Л.9–15.

² ГАСО. Ф.Р-20. Оп.1. Д.21. Л.32.

³ Правда. 1924. 13 янв., 9 февр.; Смена (Пг.). 1923. 8 дек.; РГАСПИ. Ф.150. Оп.1. Д.63. Л.14–15; ГА РФ. Ф.5407. Оп.1. Д.5. Л.30–31.

мотив религии, не уничтоженный прежней “мертвой Церковью” за тысячу лет ...»¹.

Нарративные источники середины 1920-х гг. свидетельствуют о том, что рядовые верующие в достаточной степени были осведомлены на тот счет, каким образом РКП(б) – ГПУ своими закулисными действиями влияют на внутреннюю жизнь Церкви, подталкивая обновленцев к доносительству против своих идейных противников, порождая душевную сумятицу служителей культа, поставленных перед выбором между верностью религиозно-духовному долгу и стремлением сохранить свое место и возможность более или менее спокойного существования². «Тут есть именно тот большевистский девиз, – писал один из верующих в редакцию «Известий», – который проводится везде, где нужно разложить или расстроить какую-либо организацию: девиз этот – натравливание низшего слоя на высший. На такие воззвания откликаются все худшие элементы в данной группе – здесь, несомненно, воззвание [«Живой Церкви»] найдет успех у всех неудачников – церковников... к ним присоединятся кадры аферистов. ...Одно дело обновление Церкви, и другое дело, если это обновление исходит из грязных рук. ...Это обновление не только не подвигнет дело обновления Церкви, но как раз сделает обратное».

Относительно того, чем же закончится чекистский эксперимент с созданием «красной Церкви», один из корреспондентов, подписавшийся «Астраханцем», давал следующий прогноз: определенная часть верующих (независимая в своих суждениях) от «живоцерковников» отшатнется; индифферентные (фабричный пролетариат) – совсем уйдут из Церкви; крестьянство, умеющее сочетать церковный молебен с пением Интернационала, «всех признает (Церковь есть, поп есть, а разбираются пусть другие)». Наконец, ин-

¹ РО ГМИР. Ф.13. Оп.1. Д.108. Л.122.

² Хотя, кроме раздоров и духовного отступничества письма 1922–1930-х гг. дают многочисленные примеры стойкости людей, выше всего ставивших свои духовно-мировоззренческие убеждения, (Измозик В.С. Политический контроль в советской России. 1918–1928 гг.: Дисс. ... д-ра ист. наук. М.,1995. С.367; ЦГА ИПД СПб. Ф.16. Оп.7. Д.8994. Л.143–144).

теллигенция или примкнет к одной из выше означенных групп, или «выберет смешанную форму». «А в стороне от всех этих церковных споров будет стоять современный Левиафан государство с ...улыбкой Мефистофеля, в которой не трудно будет прочесть классическое: разделяй и властвуй»¹.

Личная переписка 1920-х гг., советские газеты и журналы, почта, аккумуляировавшаяся в секретариатах партийных и советских руководителей, сводки ВЧК–ОГПУ дают наглядное представление о реальном отношении различных общественных групп к формам и методам, практиковавшимся в антирелигиозной работе². Лишь незначительная часть населения положительно воспринимала содержание и направленность атеистической пропаганды, демонстрируя желание раз и навсегда порвать с религией и Церковью. Так, матрос С.Г. Зайцев из Кронштадта писал своим домашним в Кирсановский уезд Тамбовской губернии: «Прошу вас не верить в эти сказки долгогривых эксплуататоров, и я в настоящее время всех богов и попов послал к чертовой матери». Красноармеец Мелешкин в таких же выражениях наставлял свою жену: «И впредь прошу самой не ходить и не водить дочь в церковь. Там, кроме заразы, ничего хорошего не получишь. Когда я приеду, я тебе расскажу все и что как, а теперь я прошу тебя не ходить туда в этот дом разврата и выкинь дурь из головы – религию».

Однако большинством граждан, особенно на селе или же среди красноармейцев, вчерашних деревенских жителей, антирелигиозная агитация, ведшаяся в примитивно-грубой форме, расценивалась как форменное издевательство. Летом 1924 г. один из военнослужащих в письме в Гомель к своим родителям так описывал свое состояние: «...я попал, где отчуждаются от Бога. Но мне сильно не нравится, что в Церковь не пускают». О подобных же переживаниях рассказывал и красноармеец Игнатий Емельянов: «...теперь хоть у нас в роте садимся обедать, никто шапки не скинет.

¹ РО ГМИР. Ф.13. Оп.1. Д.108. Л.152.

² *Измозик В.С.* Указ. соч. С.367; ЦГАИПД СПб. Ф.16. Оп.5. Д.5913. Л.54, 59; Д.5915. Л.10; Оп.6. Д.6944. Л.198.

А кто шапку скинет, тут и смех. Узнают, у кого есть крест, сейчас снимут. Командиры и то станут больше смеяться. Тогда пойдешь на пост, там можно только перекреститься».

К середине – концу 1920-х гг. радикально стало меняться отношение простых людей к духовенству. Лишенные государственного покровительства, преследуемые властями Церковь и ее пастыри вызывали все большее сочувствие в низах общества¹. Священник 1920-х гг. – это уже не тот старорежимный «жирный поп», ныне он свой брат – труженик, мученик, советчик и утешитель.

Демобилизованный красноармеец М.В. Быстров в феврале 1925 г. в письме из города Тотьма Вологодской губернии товарищам по службе так описывал положение священнослужителя и членов его семьи: «...проклинаю тот день и тот час, когда я родился и когда отец совершил глупость сделаться попом. Как сын попа, живущий в доме попа, подвергаюсь разным репрессиям. ...Был вычищен с биржи труда без всякого основания. ...Просил пособие по безработице в страх-кассе и получил полный отказ. ...Никакие документы не помогли. ... Был старостой профсоюзного хора с 5/ХІІ, трудился бесплатно... 7/ХІІ был уволен из членов Профклуба и из хора. ...Дома дела плохи ...моего брата на днях вычистят со службы как поповского сына. ...Чем я отличаюсь от ленинградского рабочего? Да ничем, разве только что отец мой презренный поп и надо ли или нет мне пустить пулю в лоб из-за этого»².

Рядовые верующие расценивали многочисленные факты дискриминации священников и церковных активистов, и в целом всю богоборческую политику властей, как дело неблагодарное и в конечном счете бесполезное. На этой точке зрения стоял, скажем, лидер сектантской общины московских «Трезвенников» И. Колосков, возмущавшийся тем (в своем обращении во ВЦИК 1929 г.), что маленькая горсточка, числящаяся официальными безбожниками, хочет на-

¹ Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939 гг.: Документы и материалы. Т.1 (1918–1922 гг.). М., 1998. С.50, 318 и др.

² Измозик В.С. Указ. соч. С.346–347; ЦГА ИПД СПб. Ф.16. Оп.6. Д.6936. Л.51.

сильно искоренить веру миллионов: «никогда еще грубое насилие не искореняло в людях потребности в вере и самой веры ...человек без религии жить не может. ...Без веры нет человека... [корни христианства не на земле, и не людям бороться с Богом]. ...Такие методы борьбы с религией заставляют людей или притворяться, или лгать и прятать свою веру. ...У нас нет религии. ... Такими и подобными им фразами правительственные люди гипнотизируют себя и им под конец начинает казаться, что действительно нет религии...»¹.

«Во времена злой татарщины, – писал в газету «Правда» весной 1930 г. один из «внештатных» корреспондентов, – преследование религии не достигало таких размеров, как сейчас. Только вы с видом невинной проститутки, вербуя кучку оголтелых дураков, обращаете их на бумаге в массу и именем ее требуете закрытия церквей, ограбив их в начале революции. Конечно, религия-то вас в конце концов и погубит, убить ее вы не можете, людей вы убьете, а ее не в силах, ибо идею, да еще такую как христианство, убить нельзя»².

В этом же попытался уверить [1930 г.] наркома просвещения А.В. Луначарского и толстовец М.С. Дудченко: «...отрицая ...все то, что представляет собой культ, [вы] отбрасываете вместе с ним и то, что является высшим руководящим знанием, без которого никогда не жило и не может жить человечество... Ибо стоит только на минуту отрешиться от той слепой, узко-сектантской уверенности, что вся истина принадлежит одному мне и моим единомышленникам, чтобы стало ясно, что человек без религии, т.е. без какого-либо ему одному свойственного отношения к миру, так же невозможен, как человек без сердца, и что стремление найти смысла своей жизни присуще всем людям без исключения и выражается как раз в различных религиозных верованиях, сущность которых, несмотря на все их внешние различия, состоит в одном: в братском единении и

¹ РО ГМИР. Ф.2. Оп.17. Д.54. Л.20–21; ГА РФ. Ф.393. Оп.2с. Д.1776. Л.33об.–38.

² Архив АН РФ. Ф.520. Оп.1. Д.207. Л.27.

любви к истине. И ...казалось бы, так естественно и просто было бы крепко держаться этой основы, предоставляя друг другу полную свободу выполнять каждому по-своему все ...различное у всех ...второстепенное, т.е. все формально обрядовое, начиная от креста... вплоть до хоругвей-флагов с теми или иными цветами и надписями. ...Пусть каждый поступает здесь сообразно с уровнем своего сознания и своей совести. И пусть никто не думает, что по этим обрядовым своим проявлениям он может стоять выше других. ...Если ваша религия, ...то, что вы называете своим марксистским пониманием, действительно выше других, покажите это на деле, и люди, которые не верят теперь вашим словам, поверят вашим добрым делам; но не прибегайте к палке для утверждения ваших верований. Да и безбожники – это ...еще далеко не определившиеся в своих собственных верованиях, и неизвестно еще, как бы они вели себя, если бы вместо теперешнего покровительства власть имущих они встречали бы к себе противоположное отношение. ...нетерпимость вредна не только тем, кто подвергается ей, сколько тем, кто проявляет ее – ибо истинно свободных людей нельзя сделать рабами и глубокие требования совести только растут под внешними гонениями, тогда как гонители теряют в своем достоинстве, стоя на пути тиранства...»¹.

Последнее подтверждал и один из лидеров толстовцев в России В.Г. Чертков (февраль 1920 г.), подчеркивая, что «русский народ всегда преклонялся перед праведниками и мучениками», и потому преследования со стороны богоборческого государства неизбежно вызывают «религиозный подъем и ничем не отражимое подражание...»².

Осуждение богоборческих усилий партии и государства было тем сильнее, чем тверже была убежденность верующих в том, что именно религия является их жизненным ба-

¹ РО ГМИР. Ф.7. Оп.1. Д.60. Л.4–7.

² РО ГМИР. Ф.2. Оп.23. Д.31. Л.45.

зисом¹, основой духовности и нравственности, неотъемлемым элементом трудового воспитания.

Действительно, все без исключения верующие были единокорны в том, что религиозная вера – обязательная составная часть трудовой этики.

Сектанты однозначно заявляли (июль 1924 г.), что в их общинах «сторона религиозная – вера – является тем основным стержнем, на котором держится все остальное, т.е. единокорные, энергия, коллективизм», потому невозможно «выдернуть эту бытовую религиозную основу из жизни...»².

Русские религиозные философы также подчеркивали, что дисциплина труда есть религиозно мотивированная духовная дисциплина и потому неизменно выражали свое негативное отношение к социализму как идеологии «материального бескачественного труда», отрицающей его творческую природу³, полагающей будто бы в своей хозяйственной деятельности человек может руководствоваться только стихийными побуждениями или психологией хозяйственного эгоизма⁴.

Большая часть верующих не видела возможности каких-либо реальных вариантов «мирного сосуществования» религиозных и большевистских нравственных постулатов. Правда, в первые месяцы советской власти известная часть населения выражала готовность трактовать коммунистические лозунги как воплощение христианских идеалов. По сообщениям Екатеринбургского губкома, местные партийные

¹ Говоря о роли религии (и Церкви) в повседневной жизни, обыденном сознании и поведении человека, верующие неизменно отмечали значение Бога, как существа, приносящего «реальную пользу» (Бендриков К. Дети Московских окраин (Марьяна Роца). М., 1930. С.30–31). Записки с просьбами о помощи, традиционно оставлявшиеся у часовни Св.Ксении Петербургской, свидетельствовали о надеждах верующих на содействие Святой в благополучном разрешении семейных конфликтов («избежать ругани отца»), устройстве любовных дел (организовать свидание с парнем), успешной сдаче школьных экзаменов. (ЦГА СПб. Ф.7384. Оп.33. Д.50. Л.140).

² РО ГМИР. Ф.2. Оп.24. Д.27. Л.1–32; ГА РФ. Ф.353. Оп.8. Д.8. Л.1–27.

³ Бердяев Н.А. Философия неравенства (1918). М., 1990. С.196–197.

⁴ Булгаков С.Н. Христианский социализм: Сб. статей. Новосибирск, 1991. С.225.

пропагандисты, «критикуя церковь, в то же время называли Иисуса Христа нашим учителем, а его учение социализмом»¹. Одна из петроградских коммунисток на вопросы анкеты отвечала: «Читая Ренана («Жизнь Иисуса Христа»), выяснила, что Иисус был коммунистом. На этой почве легко агитировать крестьян»².

Однако после ужасов гражданской войны, голода, изъятия храмового имущества лишь совсем немногие (да и то, самые идеалистически настроенные) сохранили способность рассуждать о возможности синтеза или симбиоза христианских и коммунистических ценностей. Деятели православно-обновленческого движения были из их числа. Наиболее рельефный пример – программный документ (так называемая «Азбука») «Союза церковного возрождения» (июнь 1923 г.), принадлежавший перу митр. Антонина (Грановского): «Нарастающая волна революционного безбожия в существе обратная медаль поповства, выродившегося в профессиональную механику, не затрагивающую, не отсвечивающуюся из психики и быта ...[«охранительную талмудическую церковность»] ...«Союз Церковного Возрождения» принимает цель революции – создать не одно платоническое, но и трудовое – бытовое братство в человеческом общении, и рассматривает социализм как подход к этому укладу с внешней, технической стороны. Однако учитывая опасность уклона одних экономических мер «в сторону преобладания силой», т.е. преимущественного использования для достижения своих целей методов принуждения и насилия, Союз считает необходимым для сохранения известного равновесия прибегнуть к возможностям этического или религиозного фактора. «...Быть вне политики – это значит умывать руки от строительства общественной жизни. ...Аполитичная церковность – это бегство от жизни, социальное малодушие или общественная импотенция. ...Социализм есть антагонизирующий энергизм против бездейственности исторической церковности и ее неумения

¹ Нечаев М.Г. Красный террор и церковь на Урале. Пермь, 1992. С.10.

² Измозик В.С. Указ. соч. С.364–371.

овладеть жизнью. Союз считает, что общественный активизм Церкви есть пункт встречи и путь соглашения социализма и Евангелия. ...Союз ставит целью сочетание христианства как духовной силы с культурным стремлением человечества, утверждая религиозный фактор социального строительства»¹.

Процитированный текст отражал, как уже было сказано, точку зрения безусловного меньшинства населения. Подавляющее большинство полагало, что рост религиозного индифферентизма в обязательном порядке коррелируется с моральным индифферентизмом².

Профессор Н.Д. Кузнецов еще в апреле 1918 г., выражая мнение членов Поместного Собора Православной Церкви, указывал в письме на имя В.И. Ленина, что моральные понятия и чувства прочно и глубоко держатся в душе народа лишь в форме религии³.

Толстовцы критиковали коммунистов за их убеждение, будто материальное благополучие открывает путь к «повышению нравственного уровня людей и устранению классово-вой борьбы». Не соглашаясь с подобной постановкой вопроса, единомышленники Л. Толстого были уверены, что единственным твердым фундаментом, на котором может быть построена жизнь человеческая, является религия, по той причине, что именно религиозное мировосприятие лежит в основании «действительно нравственной культуры», без которой невозможны никакие позитивные изменения в общественных отношениях (внешних условиях жизни людей)⁴.

Христос призывал «не убий» – говорил один из участников IV съезда «новоизраильтян» (1921 г.), – а К. Маркс «определил» весь народ в фигуры шахматной доски⁵. Простому

¹ РО ГМИР. Ф.13. Оп.1. Д.180. Л.1–2.

² Большевицкие идеологи, в свою очередь, не раз заявляли, что «рост религиозности производит в общественной нравственности такие же разрушения, как алкоголизм или проституция» (в качестве примера процитирован один из циркуляров АПО ЦК КП(б)У за декабрь 1921 г.). (ЦГАООУ. Ф.1. Оп.20. Д.748. Л.162).

³ РГИА. Ф.833. Оп.1. Д.56. Л.35–43.

⁴ РО ГМИР. Ф.13. Оп.1. Д.1230; Духовно-мистический бюллетень (толстовское изд-е, Москва). 1930. №11.

⁵ РО ГМИР. Ф.2. Оп.12. Д.25. Л.7.

сектанту-крестьянину вторили философы С. Булгаков и Н. Бердяев. «Христианство учит, – писал С. Булгаков, – что человеческое естество повреждено грехом. Природа человека больна, и эта болезнь проходит через всю его жизнь, отравляя все ее проявления». Лишь неусыпной бдительностью, неослабевающим самоконтролем способен человек преодолеть свою природу и возвеличить себя самого. Социалистическое учение о человеке имеет в своей основе веру в беспредельные способности человеческой природы к совершенствованию, если только она поставлена в соответствующие условия. Таким образом, полагал С. Булгаков, вопрос о человеке подменяется вопросом о его природе и строении общества, что естественно приводит к принижению главного в человеке, его духовности. «Социализм интересуется человеком одновременно и слишком много, и слишком мало, сулит ему земной рай и одновременно его не уважает, не признавая в нем нравственной личности»¹.

Свобода человеческой совести предполагает, рассуждал Н.А. Бердяев, что в личности есть духовное начало, не зависящее от общества. Коммунизм этого не признает. Революционно-коммунистическая мораль неизбежно оказывается беспощадной к живому конкретному человеку, к своему «ближнему». Индивидуальный человек рассматривается как кирпич, нужный для строительства коммунистического общества, он есть лишь средство².

«Там, где из школьных программ выброшено евангельское учение, где с малых лет начинают детей политикой, проникнутой духом классовой ненависти, там нельзя ожидать хороших результатов от воспитания»³, – констатировал один из ленинградцев в 1924 г.

«Воевать хорошо и нажимать коленкой на павших, но выстроить что-нибудь с такой моралью нельзя и, я думаю,

¹ Булгаков С.Н. Христианский социализм... С.218–220, 221, 223, 226.

² Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. С.125.

³ Измозик В.С. Указ. соч. С.367; ЦГАИПД СПб. Ф.16. Оп.6. Д.6943. Л.3.

продолжать жизнь на земле невозможно», – записал М. Пришвин¹ в своем дневнике за 1930 г.

Таким образом, значительная часть населения была убеждена в том, что большевики не сумели «соединить» наиболее светлые стороны своего идеала с богатством человеческой культуры и тем самым упустили возможность «сделать этот идеал более жизнеспособным». Религиозные ценности противопоставлялись аморализму нового порядка (бездуховности, моральному нигилизму), который в сознании верующих прочно ассоциировался с безбожием, с «миром греха», а приверженность атеизму символизировала для многих склонность добиваться воплощения своих идеалов в жизни любыми, пусть даже безнравственными способами и кровавым насилием. В обстановке грубой ломки привычных норм и традиций религиозные представления способствовали сохранению моральных ценностей на бытовом уровне (даже там, где сознательная религиозность оказывалась утраченной).

Таким образом, Коммунистическая партия ставила перед собой задачу воспитания новых граждан страны в соответствии с неким набором идеологических критериев, отражавшим большевистские представления об обязательных качествах строителей социализма. Атеистическая ориентация являлась одной из важнейших характеристик советского человека. Однако несмотря на отчаянные усилия партийных и государственных органов, «выдавить» религию из реальной общественной жизни россиян в 1920–1930-е гг., как свидетельствуют документы, так и не удалось. Снижение религиозности значительной части населения, имевшее место в первые послеоктябрьские годы, объяснялось преимущественно антиклерикальными, политико-идеологическими мотивами (последствие симфонических отношений бывшей правящей Православной церкви с монархическими государственными структурами), в меньшей степени являлось результатом фундаментальных процессов социально-экономического развития страны, роста общей и естественнонаучной грамотности российских граждан.

¹ Цит. по: Октябрь. 1989. №7. С.161.

Для многих переход на религиозно-индифферентные и воинственно-атеистические позиции объяснялся, главным образом, нежеланием попадать в ряды идейных противников новой власти, вступать с ней в конфликт. Чувство элементарного человеческого страха за свою судьбу и судьбы своих близких порождало феномен многослойности индивидуального / общественного сознания и морали.

Люди достаточно быстро устали от конфронтации с Богом, от волнами накатывавшихся антирелигиозных кампаний. Вчерашние энтузиасты были разочарованы незначительностью успехов антирелигиозной работы. Прimitивно-грубые, издевательские формы и методы ведения антирелигиозной пропаганды, многочисленные факты административного преследования инакомыслящих, фактически способствуя превращению лиц духовного звания и религиозных активистов в мучеников, не только не помогали решению задач секуляризации и атеизации общества, но и приводили к прямо противоположным последствиям.

Сначала бедствия времен гражданской войны, затем неоднократно возникавшая угроза голода, сохранявшаяся опасность втягивания страны в новый военный конфликт, прогрессирующее чувство неуверенности в будущем в условиях краха идей мировой революции и помутнения революционных идеалов, перманентно усиливавшиеся репрессии служили дополнительными факторами, не только вызывавшим чувство отчуждения от власти, переходившее в ярко выраженную апатию (что усиливало увлечение алкоголем, вызывало склонность к суициду), но и способствовавшими возникновению возвратного интереса к религии – у одних, обострению религиозного чувства – у других. Искусственное создание «бесцерковного пространства» зачастую порождало нетрадиционные (катакомбные, например) формы религиозной жизни.

Опыт советской истории свидетельствует, что попытки государства административными мерами потеснить церковь (конфессиональные объединения) на периферию общественной жизни, а то и выдвинуть ее вовсе из жизни общества, заведомо обречены на неудачу, что отделение

церкви от государства не влечет за собой ее отделение от общества.

В 1920–1930-х гг. большая часть населения страны продолжала испытывать потребность в религиозной вере, в религиозной мотивации моральных ценностей и норм поведения. Религиозные параметры для очень многих сохраняли значение базисных, стержневых в духовной, хозяйственно-экономической и бытовой сферах личной/общественной жизни, выступали неотъемлемым элементом трудовой этики, обязательной составной частью нравственного и эстетического воспитания. Многообразие форм и масштабы социальных проявлений (институций) религии в советской России октябрь 1917 – конца 1920-х гг. было так велико, что предпочтительней было бы рассматривать религию, продолжавшую оставаться господствовавшим мировоззрением для подавляющего большинства населения страны, в качестве естественного проявления, компонента и фактора социальной жизни (а не патологии, отклоняющейся от ее законов), особой «науки жизни», удовлетворяющей фундаментальным потребностям социума и личности в решении вечных, экзистенциальных проблем, диктуемых спецификой человеческого существования.

Внедрение новых образцов гражданской, «красной» обрядности происходило тем успешнее, чем отчетливее была выражена ее атрибутивная и структурная связь с религиозным культом, чем более эти образцы соответствовала веками складывавшимся народно-религиозным традициям. Это лишний раз доказывало, что значение религии для светской культуры и мировоззрения не исчезает полностью даже там и тогда, где и когда внешние проявления традиционной и организованной религиозности становятся мало-заметными или искусственным путем сводятся на нет¹. И в последнем случае, в условиях официального отрицания роли религии в жизни общества, более того, враждебного к ней отношения связь светской и духовной культуры сохраняется, пусть в опосредованной форме, иногда приобретая пре-

¹ Яковенко И. Православие и исторические судьбы России // Общественные науки и современность. 1994. №2. С.47.

вращенные, квазирелигиозные формы¹. Советская действительность 1920–1930-х гг. – яркое подтверждение возможностей использования традиций религиозного мышления для достижения нерелигиозных целей.

А.Ю. Попов

УЧАСТИЕ ЖЕНЩИН В АКТАХ ВОЗМЕЗДИЯ ОККУПАНТАМ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА ПРИМЕРЕ ЛИКВИДАЦИИ ВИЛЬГЕЛЬМА КУБЕ)

Ликвидации нацистских сановников и предателей Родины являлись одним из направлений зафронтовой деятельности органов государственной безопасности СССР на временно оккупированных территориях СССР в годы Великой Отечественной войны. Велся строгий учет злодеяний гитлеровских палачей на оккупированных территориях. На основании приговоров, вынесенных партизанами, только при непосредственном участии ОМСБОН НКВД СССР было осуществлено 87 актов возмездия².

Подготовка и свершение каждого такого акта требовали большого опыта, смелости, терпения и находчивости. Необходимы были точное знание и учет конкретной обстановки, в частности, сложной системы охраны гитлеровских палачей. На них – инициаторов и руководителей злодейских акций, жертвами которых были сотни тысяч зверски замученных и убитых мирных граждан и военнопленных, – в первую очередь и были направлены акты справедливого возмездия. Каждому из них предшествовали тщательная разведка, поиск конкретных исполните-

¹ Шаповалов В. О категориях культурно-исторического процесса в России // Коммунист. 1993. №6. С.68–78.

² Зевелев А.И., Курлат Ф.Л., Казуцкий А.С. Ненависть, спрессованная в тол. М., 1991. С. 278.